

Лѣтопись и мысли стараго педагога.

Окончилась Крымская война. Русскія войска, покрытыя кровью и славою, вернулись во внутреннія губерніи.

При входѣ въ городъ, знамена, штыки, каски и экипажи украшались дубовыми вѣнками. Всюду народъ встрѣчалъ войска съ почетомъ и радостью. Въ честь ихъ слагались хвалебныя гимны. Европейскіе журналы отдавали должную дань уваженія героическому мужеству славнымъ защитникамъ Севастополя. Офицеры, бывшіе питомцы кадетскихъ корпусовъ, живые свидѣтели и участники изумительныхъ самоотверженныхъ подвиговъ, принимались какъ желанные и почетные гости. Военный мундиръ давалъ доступъ во всѣ гостиныя средняго и высшаго общества. Живо помню, съ какимъ радушіемъ принимали насъ—военныхъ—всюду.

Но уже въ концѣ 50-хъ годовъ отношеніе общества къ офицерамъ стало быстро измѣняться. Меня просили заѣхать въ одинъ кадетскій корпусъ, гдѣ воспитывался мой родственникъ. Въ пріемной комнатѣ, куда съ моимъ родственникомъ пришли еще нѣсколько кадетъ, я съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ отъ нихъ, что военная служба ничего не представляетъ для ума и сердца порядочнаго человѣка, что она можетъ удовлетворять только тупицъ и людей малоразвитыхъ, что въ корпусѣ учатъ ихъ только ружистикѣ и шагистикѣ, что многіе изъ нихъ намѣрены послѣ выпуска и производства въ офицеры искать другихъ занятій и другой службы. Такъ говорила молодежь, нѣсколько лѣтъ готовившаяся къ службѣ въ войскахъ. Мое заступничество за военное званіе не имѣло успѣха. Я недоумѣвалъ, что за причина такого направленія среди молодежи.

Вернувшись въ Петербургъ, я увидалъ въ обществѣ явное пренебреженіе ко всему военному. Солдатчина, кадетчина, ремешокъ, бурбонъ и другія выраженія примѣнялись на каждомъ шагу ко всему, что носило военный мундиръ.

Странное и интересное это было время. Насталъ тотъ историческій моментъ, когда по тогдашнему выраженію „пробуждалась русская мысль“, и русское общество походило на школьниковъ, выпущенныхъ на свободу послѣ долгаго сидѣнія въ классѣ. Не только молодежь, но пожилыхъ стариковъ обуяла какая-то дѣтская радость. Поднятіе вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ, о гласномъ судопроизводствѣ и другіе возбуждали нескончаемые разговоры. Всѣ спорили, волновались и увлекались.

Бостонъ, проферансъ и ералашъ были вытѣснены изъ частныхъ, и изъ общественныхъ собраній. Сколько при этомъ горячаго, неврѣлаго, но благороднаго и возвышеннаго. О подпольныхъ интригахъ еще не было и рѣчи. Новыя педагогическія идеи также занимали видное мѣсто и въ разговорахъ, и въ литературѣ.

Въ высшихъ сферахъ тоже были недовольные современными качествами офицеровъ и постановкой обученія и воспитанія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Признавали, что эти заведенія, обходясь дорого, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы ни въ числѣ, ни въ качествѣ выпускаемыхъ офицеровъ, которые, при недостаточной научной подготовкѣ, обнаруживали малое знакомство съ условіями военнаго быта и требованіями военной дисциплины, при этомъ относились къ прямымъ своимъ обязанностямъ безъ необходимой серьезности и энергіи.

Начальники воинскихъ частей поэтому предпочитали офицеровъ, произведенныхъ изъ юнкеровъ, служившихъ въ частяхъ войска, которые были хотя менѣе образованы, чѣмъ кадеты, но были полезнѣе по своему большому знакомству съ военной служебной практикой.

Такое пониженіе офицерскаго состава арміи объяснялось тѣмъ, что при коренномъ обновленіи всего строя русской жизни открылось много занятій по другимъ отраслямъ общественной и частной дѣятельности, обѣщавшихъ болѣе выгодную карьеру и, повидимому, болѣе интересное по своей новизнѣ дѣло. Поэтому болѣе даровитые изъ окончившихъ курсъ въ кадетскихъ корпусахъ покидали военную службу.

При этомъ и приливъ дѣтей (своекоштныхъ) въ корпуса сталъ гораздо меньше.

Уже съ 1857 года начались нѣкоторыя измѣненія въ кадетскихъ корпусахъ. Особенное вниманіе было обращено на неудовлетворительность педагогическаго персонала.

Въ 1862 году учрежденъ былъ особый комитетъ изъ выдающихся дѣятелей военнаго вѣдомства и министерства народнаго просвѣщенія, коему поручено было всесторонне обсудить необходимыя перемѣны въ устройствѣ военно-учебныхъ заведеній.

Комитетъ этотъ призналъ, что слѣдуетъ отдѣлить общее образованіе отъ спеціально-военнаго, такъ какъ въ кадетскихъ корпусахъ сосредоточиваются воспитанники при большой разницѣ въ возрастѣ, что представляло значительныя неудобства въ примѣненіи къ нимъ одинаковыхъ требованій въ военныхъ упражненіяхъ и воинской дисциплинѣ. Признано также необходимымъ повысить образовательный цензъ воспитывающихся и по возможности сблизить воспитательную и учебную части.

Результатомъ работъ этого комитета было отдѣленіе спеціальныхъ классовъ прежнихъ кадетскихъ корпусовъ въ особое заведеніе—военное училище и устройство общеобразовательныхъ заведеній военнаго вѣдомства, подъ названіемъ военныхъ гимназій. Къ занятію должностей воспитателей въ этихъ послѣднихъ заведеніяхъ положено допускать безразлично—военныхъ и гражданскихъ чиновъ, имѣющихъ солидное образованіе, улучшивъ при этомъ ихъ служебное положеніе, какъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ и въ расширеніи круга ихъ правъ и обязанностей.

Преобразование старыхъ кадетскихъ корпусовъ въ военныя гимназіи происходило постепенно, съ цѣлью путемъ непосредственнаго опыта выяснить подробности новаго устройства.

Съ августа 1863 года началось, подъ руководствомъ директора генерала Г. Г. Даниловича, преобразование 2 кадетскаго корпуса.

Въ 1864 году я встрѣтилъ въ одномъ знакомомъ мнѣ семействѣ директора одного изъ московскихъ корпусовъ. Онъ долго разговаривалъ со мною о новомъ устройствѣ военныхъ гимназій и говорилъ при этомъ о новой роли воспитателей, о важномъ значеніи ихъ въ качествѣ руководителей подрастающаго поколѣнія. По его словамъ, воспитатель получаетъ въ свое распоряженіе отъ 25 до 30 дѣтей, за которыхъ онъ становится вполнѣ отвѣтственнымъ и въ учебномъ и въ воспитательномъ отношеніи, при чемъ ведетъ ихъ самостоятельно. Подъ конецъ бесѣды онъ предложилъ мнѣ должность воспитателя въ

его корпусѣ. Хотя я и находился подъ вліяніемъ господствовавшего тогда общаго интереса къ педагогическимъ идеямъ и былъ въ приподнятомъ настроеніи отъ разсказовъ директора, но все-таки просилъ время, чтобъ обдумать его предложеніе и провѣрить себя.

Литература того времени много занималась педагогическими вопросами. Статьи Пирогова, Ушинскаго, Спенсера, Раумеръ и прочихъ возбуждали во мнѣ живой интересъ. Однажды я прочелъ такія мысли, высказанныя Ушинскимъ: „воспитатель, стоящій въ уровнѣ съ современнымъ ходомъ воспитанія, чувствуетъ себя живымъ дѣятельнымъ членомъ великаго организма, борющимся съ невѣжествомъ и пороками человѣчества, посредникомъ между всѣмъ, что было благороднаго и высокаго въ прошедшей исторіи людей, и поколѣніемъ новымъ, хранителемъ святыхъ завѣтовъ людей, боровшихся за истину и благо. Онъ чувствуетъ себя живымъ звеномъ между прошедшимъ и будущимъ и сознаетъ, что его дѣло, скромное по наружности, есть одно изъ величайшихъ дѣлъ исторіи, что на этомъ дѣлѣ видятся царства и имъ живутъ цѣлыя поколѣнія“.

Впечатлѣніе этихъ словъ на меня, еще очень молодого человѣка, было столь сильно, что я пересталъ колебаться и на другой же день послалъ докладную записку московскому директору и просилъ его о прикомандированіи меня къ корпусу въ качествѣ воспитателя. Въ маѣ мѣсяцѣ 1865 года и состоялось мое назначеніе.

Черезъ нѣсколько дней я представился главному начальнику военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакову.

Въ пріемную комнату его квартиры, кругомъ обставленную полками съ книгами, вышелъ Н. В., необыкновенно красивый, величественнаго вида. Онъ молча вперилъ въ меня глаза и нѣсколько времени оставался недвижимымъ. Затѣмъ обратился ко мнѣ со словами: „Вы очень молоды; чувствуете ли вы призваніе къ той дѣятельности, которую себѣ избираете, знакомы ли съ ней“? Получивъ мой отвѣтъ, онъ сталъ медленно ходить изъ одного конца комнаты въ другой, не глядя на меня; останавливался и смотрѣлъ въ окно, перелистывалъ книги и, все время не переставая, говорилъ о роли воспитателя, о томъ, какъ важно, чтобы онъ въ своей дѣятельности опирался на антропологическія науки, но что одна наука пока еще мало даетъ безъ другого фактора—нравственной личности воспитывающаго, что одни и тѣ же слова и мнѣнія производятъ на людей различныя впечатлѣнія, въ зависимости отъ качествъ тѣхъ, кто

ихъ говорить, насколько они сами внушаютъ довѣріе и имѣютъ авторитетъ. Говорилъ онъ очень складно, и рѣчь его лилась спокойно и ровно.

На меня Н. В. производилъ въ тѣ минуты впечатлѣніе чело-вѣка, говорящаго съ самимъ собою и повторяющаго не разъ говоренное. Наконецъ онъ остановился и, —показалось мнѣ,— какъ будто удивился, увидѣвъ меня. „Мы ищемъ людей съ академическимъ образованіемъ, и я очень радъ принять васъ въ свое вѣдомство; желаю вамъ успѣха“, закончилъ онъ спокойнымъ однообразнымъ тономъ и отпустилъ меня.

Въ іюнѣ я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ ласково былъ принятъ директоромъ И. В. Жданъ-Пушкинымъ.

Воспитанники были въ лагеряхъ въ селѣ Коломенскомъ, и черезъ нѣсколько дней мнѣ пришлось туда ѣхать. Отправлялось четыре воспитателя на смѣну дежурившихъ первую половину лѣта. Мы поѣхали всѣ вмѣстѣ на казенной линейкѣ тройкою, и я тутъ впервые познакомился съ моими новыми сослуживцами, отъ которыхъ узналъ нѣкоторыя подробности о своихъ предстоящихъ обязанностяхъ.

Подъѣзжая къ Коломенскому, мы были встрѣчены большой группой воспитанниковъ, которые бѣжали за линейкой съ веселыми лицами и привѣтственными криками. „Не правда ли, какія, повидимому, милыя дѣти, обратился ко мнѣ одинъ изъ воспитателей, и какъ намъ рады? Но дня черезъ два-три, быть можетъ, увидите совсѣмъ другое; не стройте иллюзій по этой встрѣчѣ“.

Воспитанники размѣщались въ длинныхъ парусиновыхъ шатрахъ, напоминавшихъ мнѣ наши лагерныя стоянки въ Петергофѣ. По концамъ каждаго шатра были отдѣльныя помѣщенія для офицеровъ. Перегородки были тоже изъ парусины на тиковой подкладкѣ. Здѣсь помѣщалась казенная кровать, столикъ и два стула.

Устроивъ свои вещи, я вышелъ изъ шатра къ воспитанникамъ. На Москву открывался изъ лагерей чудный видъ, а съ другой стороны виднѣлись старинныя историческія церкви села Коломенскаго. Я присѣлъ на скамейку около шатра, и меня тотчасъ же окружили воспитанники, видимо стараясь проникнуть и угадать, какого свойства послалъ имъ Богъ воспитателя. Разговаривали сначала сдержанно, потомъ охотно стали рассказывать о лагерныхъ порядкахъ. „Вы поведете насъ куда-нибудь подальше отъ лагеря?“ допрашивали они меня. Спросили, не голоденъ ли я, и раздобыли мнѣ стаканъ чаю и булку. Впечатлѣніе было хорошее и я, довольный всѣмъ, легъ спать.

На другой день началась моя новая служба. Воспитанники имѣли здоровый, веселый видъ. Строевыя занятія, гимнастика и всѣ передвиженія: въ столовую, на купанье, на учебныя занятія, совершались стройно, въ ногу, безъ разговоровъ. Очевидно, на эту сторону обращалось много вниманія, но на учебныя занятія шли не охотно и занятія эти отбывались только для формы. Въ свободное время воспитанники часто цѣли хоромъ, охотно играли въ городки, въ мячъ, лапту. Отношеніе къ воспитателямъ было довольно добродушное.

Дня черезъ три мнѣ пришлось поѣхать въ Москву по собственнымъ дѣламъ. Вернувшись на другой день, я вошелъ въ свою палатку и открылъ ящикъ стола, чтобы взять папирсы, но ихъ тамъ не было. Я былъ увѣренъ, что забылъ ихъ въ Москвѣ, но вечеромъ, лежа уже въ постелѣ, услыхалъ тихій разговоръ между воспитанниками: „новый воспитатель хорошо съ нами обращается, а онъ сдѣлалъ такую гадость, стащилъ у него папирсы“. На другой день повелъ я воспитанниковъ гулять, и дорогою разговоръ коснулся куренія. Я высказалъ, что второй день не курю, потому что забылъ папирсы въ Москвѣ. „Нѣтъ, вы ихъ не забыли, а у васъ ихъ стащили и мы знаемъ кто“. Я не сталъ спрашивать и сказалъ, что поднимать исторіи не стану, а они сами должны повліять на виновнаго. Пришли въ лѣсъ. Воспитанники просили меня распустить ихъ бродить по лѣсу. Я согласился, и при мнѣ остался только горнистъ; по сигналу должны были всѣ собираться. Черезъ часъ былъ поданъ сигналъ; начали собираться; лица у всѣхъ были возбужденныя, всѣ переглядывались и шептались. Когда двинулись въ обратный путь, то нѣкоторые пошли около меня и послѣ нѣкотораго колебанія и недомолвокъ, говорятъ: „а мы повліяли и съ виновнымъ расправились“.—Какъ это расправились?—спрашиваю въ недоумѣніи. „Мы его высѣкли“. Я остолбенѣлъ, сталъ ихъ бранить. „Ничего,—говорятъ,—это ему полезно, онъ не въ первый разъ замѣченъ“. Придя въ лагерь, я былъ въ большомъ волненіи и недоумѣніи, какъ мнѣ поступить. Встрѣтясь съ директоромъ, я конфиденціально рассказалъ ему и спросилъ, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать. „Ничего не дѣлать,—отвѣтилъ П. В.,—это недурно, что они такъ поступили, вы никому объ этомъ не говорите, ваше вліяніе на нихъ черезъ это только выиграетъ“.

Прошла недѣля, воспитанники просятъ меня повести ихъ въ другую сторону за село Коломенское. Я согласился, и мы отправились въ сторону, гдѣ былъ мелкій кустарникъ и ого-

роды. Опять по просьбѣ воспитанниковъ я распустилъ ихъ. Не прошло и четверти часа, какъ слышу крикъ въ кустахъ; всѣ воспитанники бѣгутъ къ одному мѣсту и тамъ идетъ какая-то свалка. Самъ бѣгу туда и вижу, что воспитанники дерутся съ крестьянами; у многихъ въ рукахъ палки. Оказывается, что кадетами сдѣланъ набѣгъ на крестьянскіе огороды, гдѣ росли огурцы, и владѣльцы усмотрѣли это. Съ трудомъ удалось мнѣ прекратить драку. Разбранивъ крестьянъ, что они бросились расправляться съ дѣтьми, вмѣсто того, чтобы послать сказать мнѣ. „Это они не впервой,—говорили крестьяне,—пробовали жаловаться—ничего не выходитъ“. Собралъ воспитанниковъ, я сердитый и возмущенный повелъ ихъ домой и началъ говорить имъ о неприкосновенности чужой собственности. „Это фуражировка,—говорили они,—каждый годъ она бываетъ; мы имъ платимъ потомъ за убытки, ну, а подраться съ ними не мѣшаетъ; они прошлый годъ одного товарища чуть не до смерти избили, цѣлый часъ безъ памяти былъ, и въ лагерь пришлось его на рукахъ отнести“. Все это говорилось такимъ добродушнымъ тономъ, что сердце у меня отошло, но больше я ихъ въ дальнія прогулки не водилъ. По традиціямъ они должны были, въ теченіе лагерей, сдѣлать хоть одну фуражировку, иначе потеряютъ уваженіе товарищей и подвергли бы себя насмѣшкамъ за трусость.

По возвращеніи изъ лагерей, въ первыхъ числахъ августа, начались классныя занятія. Новыя программы, новыя требованія и порядки вызвали неумолкаемые разговоры. Комитеты воспитателей и преподавателей собирались два-три раза на недѣлѣ. Комитеты эти были нововведеніемъ, такъ какъ въ нихъ прежде участвовали только начальствующія лица. Директоръ гимназій былъ прежде инспекторомъ классовъ въ томъ же заведеніи и зналъ все до тонкости. Хотя онъ и не былъ академикомъ, но былъ хорошо образованъ, начитанъ и стоялъ въ курсѣ дѣла. Спокойный, сдержанный, онъ внимательно выслушивалъ собесѣдника и говорилъ немного, но очень вѣско, тономъ, не допускавшимъ дальнѣйшихъ возраженій.

Воспитанный еще на старыхъ порядкахъ, онъ въ душѣ былъ имъ преданъ, но, видимо, старался усвоить и внушить подчиненнымъ новыя понятія и вѣянія. Очень внимательный и предупредительный къ служащимъ, онъ былъ по внѣшности суровъ и недоступенъ съ воспитанниками и очень къ нимъ требователенъ; никогда не заигрывалъ, а подчасъ былъ до того гнѣвенъ, что расправлялся по-старинному, забывая новыя вѣянія.

Въ то же время заботливость его о дѣтяхъ была замѣчательная; онъ зналъ характеръ и семейное положеніе почти каждого изъ нихъ. Воспитанники очень боялись его, но безспорно цѣнили и уважали. Во время его болѣзни, помню, служили молебны и подавали просфоры. При серьезной невзгодѣ у каждого изъ нихъ являлась особенная потребность поговорить съ директоромъ.

Воспитательный составъ былъ при моемъ поступленіи весьма разнообразенъ. Двое было изъ окончившихъ курсъ въ военной академіи, четверо—изъ духовной академіи, нѣсколько артиллеристовъ и нѣсколько старыхъ—изъ прежнихъ дежурныхъ офицеровъ. Естественно, что и взгляды на приемы воспитанія были крайне разнообразны. Преподаватели были всѣ старой формациі, со старыми приемами и требованіями, но большинство очень недурно вели преподаваніе и достигали порядочныхъ результатовъ. Особенно хороши были математики. Они конечно прислушивались къ новымъ методамъ, одобряя ихъ, но не примѣняли.

Комитеты были трехъ родовъ: воспитательный, по возрастамъ ¹⁾, называемый тогда дисциплинарнымъ, преподавательскіе и педагогическіе, въ которыхъ участвовалъ весь составъ засѣданія; въ послѣднихъ говорили обыкновенно не многіе: директоръ, инспекторъ и бывшіе студенты духовныхъ академій. Мы, молодые воспитатели, больше слушали и поучались. Вопросы, обсуждавшіеся въ нихъ, вначалѣ носили характеръ общій, теоретическій. Педагоги, окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ, со старикомъ Б. во главѣ, упорно стояли на томъ, что главное средство воспитанія есть серьезныя учебныя занятія, что они заключаютъ въ себя всѣ элементы для выработки характера, воли, привычки къ труду, самостоятельности и дисциплины; они очень скептически относились къ инымъ средствамъ, рекомендуемымъ въ то время. Они утверждали, что суровая школа предпочтительнѣе, ибо она вырабатываетъ стойкость, и умѣнье бороться съ жизненными невзгодами, а слащавая внѣшняя гуманность того времени якобы плодитъ слабость характеровъ и разводитъ оранжерейныя растенія, которыя гибнутъ въ суровой дѣйствительной жизни. Отвлеченные разговоры

---

¹⁾ Въ заведеніи было 6 классовъ, они соединялись въ 3 возраста, по 2 класса въ каждомъ. Возрасты жили въ одномъ зданіи, но отдѣльно, сходились только къ обѣду и въ церкви.

на этихъ комитетахъ занимали такъ много времени, что привели къ необходимости устроить общія педагогическія собранія всѣхъ военно-учебныхъ заведеній г. Москвы.

Мысль объ учрежденіи такихъ собраній принадлежала директору гимназій И. В. В.-П. Они устраивались по субботамъ въ библіотекѣ I-й Московской военной гимназій, подъ председательствомъ одного изъ директоровъ (впослѣдствіи другихъ лицъ по избранію). Одинъ или двое изъ участвующихъ читали рефераты и ставили тезисы для обсужденія. Споры были горячіе, но обыкновенно ни къ чему опредѣленному и реальному не приводившіе. Темы, конечно, болѣе касались злобы дня: элементарныхъ курсовъ, предметныхъ уроковъ, статей современныхъ авторовъ-педагоговъ—Спенсера, Ушинскаго, Пирогова, Раумера, Бенеке, Эрисмана и проч.

Памятны мнѣ рефераты о развитіи любви къ труду воспитанниковъ, читанные старымъ преподавателемъ одной изъ гражданскихъ гимназій, авторомъ многихъ учебниковъ. Онъ, между прочимъ, проводилъ ту мысль, что трудъ свободный и сознательный не есть трудъ въ настоящемъ значеніи этого слова, а человекъ, который можетъ оставить свою работу, если захочетъ и заинтересованъ самымъ содержаніемъ работы, не есть труженникъ, а дилетантъ труда. Настоящій трудъ есть тотъ, когда приходится работать обязательно, часто безъ интереса къ содержанію труда, когда работа, во что бы то ни стало, должна быть окончена къ извѣстному времени, въ силу необходимости для личнаго существованія. Хитрить съ трудомъ, говорилъ онъ, нельзя; обходить трудности труда—невозможно. Трудъ потому и труденъ, что онъ трудъ. Такого труда люди боятся и избѣгаютъ. Усилить энергію въ трудѣ можно либо интересомъ, либо нуждою. Переходя къ учащимъ, онъ утверждалъ, что трудъ ученья обязателенъ и несознателенъ для учащихся, ибо отдѣльная цѣль ученья имъ недоступна. Слѣдовательно, побужденіемъ къ труду остается самодовольство и понудительныя мѣры. Большая часть учениковъ встрѣчаетъ въ жизни обязательный, а не свободный трудъ и такъ какъ жизнь неминуемо наказываетъ за лѣнь, то и ученики должны заранѣе знать и испытывать послѣдствія лѣни.

По поводу наградъ и наказаній онъ утверждалъ, что предшествовавшіе намъ педагоги не были совсѣмъ неправы, когда не гнушались этими средствами, и если мы отнесемъ къ нимъ слишкомъ свысока, то пожалуй останемся въ накладѣ. Гоненія на награды и наказанія, говорилъ онъ, воздвигнуты въ Европѣ

давно, со времени Базедова и филантропистовъ; но большинство тамошнихъ общественныхъ организмовъ имѣютъ кромѣ теоретическихъ выводовъ много жизненности, и практика школы до сихъ поръ не приняла этого ученія и нельзя указать ни одного достаточно долго существовавшего заведенія, на которомъ можно было бы убѣдиться въ возможности подобной системы воспитанія. Впрочемъ, ученіе это полезно въ томъ смыслѣ, что много содѣйствуетъ постепенному исчезновенію злоупотребленій означенными мѣрами. У насъ же всякое изреченіе рационализма немедленно облекается въ инструкцію.

Референтъ стоялъ также за цифровыя отмѣтки, на кои тогда началось также гоненіе. Онъ утверждалъ, что въ отмѣткахъ этихъ выражается доброе или худое мнѣніе учителя объ ученикѣ, который видитъ, что усилія его оцѣнены, трудъ его замѣченъ, что,—безъ излишней щепетильности можно сказать—всегда пріятно всякому человѣку. Это возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ близкихъ ему людей, доставляетъ имъ радость и удовольствіе. Другой рефератъ, возбуждившій много преній, былъ по поводу ученія Спенсера объ относительной цѣнности разныхъ учебныхъ предметовъ и преимуществъ естественныхъ наказаній передъ искусственными. Спенсеръ совѣтуетъ прибѣгать къ послѣднимъ только въ крайнихъ случаяхъ; совѣтуетъ не предъявлять дѣтямъ слишкомъ большихъ нравственныхъ требованій, избѣгать черезмѣрнаго контроля, предоставляя ребенка, гдѣ только можно, дисциплинѣ опыта, повелѣвать рѣдко и только тогда, когда другія средства не удались. „Но если вамъ случается приказывать, говоритъ Спенсеръ, то приказывайте твердо и рѣшительно, никогда не отступайте, подражая и въ этомъ случаѣ природѣ, рѣшенія которой неизмѣнны и безапелляционны. Избѣгайте понудительныхъ мѣръ, если есть хотя малѣйшая возможность, но когда считаете нужнымъ деспотизмъ, будьте серьезнымъ деспотомъ“.

Теперь всѣ эти мысли стары и истрепаны, но тогда были новы и интересны и вносили большое оживленіе въ наше кропотливое дѣло.

Собранія эти существовали года два, а потомъ мало-по-малу прекратились; болѣе потому, кажется, что субботній вечеръ былъ единственный въ недѣлѣ, когда педагоги, въ особенности воспитатели, могли отдохнуть среди семьи, или знакомыхъ и пріобщиться къ другимъ общественнымъ интересамъ.

Работы въ то время дѣйствительно было очень много. Приходилось только пообѣдать дома и часокъ отдохнуть. Вечеромъ, при возвращеніи домой, чувствовалась такая усталость, что ни для какихъ развлеченій не было ни охоты, ни силъ.

На дисциплинарныхъ комитетахъ обсуждались главнымъ образомъ внѣшніе порядки и проступки воспитанниковъ. И здѣсь вопросъ о взысканіи и поощреніи былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ. Совокупность всѣхъ дебатовъ этихъ закончилась очень курьезнымъ кодексомъ о наказаніяхъ.

На кодексѣ этомъ подробно было указано, какому наказанію подвергается воспитанникъ въ старшемъ, среднемъ и младшемъ возрастѣ: а) за отмѣтки на урокахъ 5—4, 3—2, 1—0 и б) за нарушеніе порядка, обозначеннаго въ классномъ или въ возрастномъ журналѣ римскими цифрами I, II, III.

Такъ, напримѣръ: на воспитанника средняго возраста, получившаго въ журналѣ отмѣтку I, налагалось обязательно одно изъ слѣдующихъ наказаній: а) лишеніе послѣдняго блюда за обѣдомъ, б) лишеніе утренняго или вечерняго чая, съ оставленіемъ на одномъ хлѣбѣ, в) замѣна бѣлаго хлѣба чернымъ при утреннемъ или вечернемъ завтракѣ, г) постановка на штрафъ въ рекреационномъ залѣ на одинъ часъ, д) арестъ въ классѣ отъ 2—4 часовъ, е) сокращеніе отпуска отъ 2¹/₂ до 4 часовъ, ж) лишеніе отпуска наканунѣ праздника, з) лишеніе занятій мастерствомъ. За отмѣтку въ классномъ журналѣ 1 и 0 воспитанники младшаго возраста подвергались: а) лишенію отпуска или на весь праздничный день, или съ увольненіемъ только послѣ обѣдни, б) лишенію игръ и занятій въ классѣ въ праздничный день отъ 3 до 5 часовъ.

Кромѣ того, всѣ получившіе 1 и 0, во всѣхъ возрастахъ должны были во время слѣдующей лекціи стоять въ классѣ на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока преподаватель не спроситъ и не позволить сѣсть.

Кодексъ этотъ, въ общемъ заключавшій въ себѣ 54 статьи и 7 примѣчаній, былъ выработанъ инспекторомъ классовъ Неовіусомъ по образцу якобы существующаго въ Швеціи. Онъ имѣлъ цѣлью пріучить воспитанниковъ къ законности и неизбежности возмездія за нарушеніе своей обязанности не отъ воспитателя, а отъ закона, такъ какъ наказаніе налагалось несмотря ни на какія смягчающія обстоятельства. При этомъ достигалось единообразіе въ наказаніяхъ со стороны воспитателей, что признавалось весьма важнымъ.

Экземпляръ этого интереснаго устава или кодекса сохранился у меня до сего времени и желающіе могутъ его видѣть. Реагировалъ онъ недолго, мѣсяца четыре, не болѣе, затѣмъ умеръ естественной смертію, безъ всякаго о томъ постановленія. Воспитанники дали ему странное названіе „Синія яйца“.

Помнится мнѣ также одинъ общій педагогическій комитетъ, на которомъ разсматривался только вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ. Споръ длился съ 8 часовъ вечера до 2 часовъ ночи и когда пристулено было къ голосованію—отмѣнить тѣлесное наказаніе или оставить для исключительныхъ случаевъ, то только голосъ предсѣдателя далъ перевѣсъ въ пользу отмѣны. На другой день послѣ завтрака, воспитанники проникли въ цейхгаузъ, гдѣ хранились розги, торжественно вынесли ихъ и въ присутствіи воспитателей сожгли при крикахъ „ура“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, директоръ, встрѣтивъ меня и заговоривъ о послѣднемъ комитетѣ, спросилъ: „ну, а вы за что подали голосъ, за отмѣну, или оставленіе розогъ?“ и когда я, смущенный, сознался, что подалъ голосъ за употребленіе розогъ въ исключительныхъ случаяхъ, то онъ нѣжно посмотрѣлъ на меня, крѣпко пожалъ мою руку и, вздохнувъ, пошелъ домой.

Въ томъ же учебномъ году, за какой-то безобразный поступокъ одного мальчика, комитетъ приговорилъ его къ исключенію. Тогда является отецъ воспитанника, старый севастьяпольскій воинъ, плачетъ, какъ ребенокъ, и умоляетъ въ учительской всѣхъ присутствующихъ наказать его сына розгами, но не исключать изъ заведенія. Всѣ до того были потрясены видомъ этого старика, что рѣшили просить директора пересмотрѣть въ комитетѣ проступокъ воспитанника П. Директоръ согласился и на другой день въ комитетѣ постановили—уважить просьбу старика-отца: наказать П. розгами, но не исключать изъ заведенія. Чтобы не входить въ противорѣчіе съ постановленіемъ объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, рѣшено было перевести его въ разрядъ штрафованныхъ и на будущее время принять за правило, установивъ, какъ было въ войскѣ, разрядъ штрафованныхъ; въ исключительныхъ случаяхъ, переводить виновныхъ въ этотъ разрядъ и оставить для нихъ тѣлесное наказаніе. Такая система понравилась, кажется, и другимъ военнымъ гимназіямъ, и такъ установился разрядъ штрафныхъ. По поводу этого, впослѣдствіи, изъ Главнаго Управленія появился циркуляръ по педагогическимъ вопросамъ, въ которомъ высказывалось, что „введеніе въ заведеніи

разряда штрафованныхъ воспитанниковъ и особенно съ тѣмъ оттѣнкомъ, какой придается имъ въ войскахъ, представляетъ мѣру крайне вредную въ воспитательномъ смыслѣ“. Далѣе объяснялось, въ чемъ заключается вредъ этой мѣры.

Исполненіе наказаній розгами воспитанника П. директоръ, ехидно улыбаясь, поручилъ мнѣ. Отказаться было нельзя, и я первый разъ въ жизни долженъ былъ исполнить экзекуцію, за которую раньше подалъ свой голосъ. Похолодѣвъ, съ помутившимися глазами, я взялъ мальчика и повелъ его въ цейхгаузъ, гдѣ все уже было приготовлено. П. дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, зубы его стучали, онъ не могъ выговорить ни слова, но не плакалъ. Я отошелъ къ окну, не глядя на П., приказалъ дядькамъ раздѣть его и наказать.

Мнѣ показались безконечно долгими эти нѣсколько секундъ, когда мальчика раздѣвали и клали на скамейку. Раздалось рассъсъ... рассъсъ... и раздирающій душу крикъ. Далѣе я не выдержалъ и закричалъ: „Не надо, не надо, довольно“. Горло у меня схватила судорога, я обернулся, П. вскочилъ съ лавки, не одѣтый, бросился ко мнѣ на шею, бился и рыдалъ, обнявъ меня. Я обнималъ его и цѣловалъ. П. окончилъ курсъ въ военной гимназій, мы съ нимъ были въ наилучшихъ отношеніяхъ до конца. Исправился ли онъ? Да онъ никогда и не былъ дурнымъ по натурѣ. Это былъ совершенно безвольный субъектъ, и переходы отъ хорошаго къ дурному у него были часты и неожиданны, подъ вліяніемъ минуты.

Составъ воспитанниковъ заведенія былъ разнообразный. Ихъ можно было раздѣлить на двѣ главныя группы. Старые кадеты, поступившіе въ корпусъ въ дореформенное время, и младшіи возрастъ, гдѣ приемы воспитанія были уже современные.

Первые жили еще подъ вліяніемъ старыхъ кадетскихъ традицій. Въ послѣдніе годы передъ реформой порядки въ корпусахъ были очень распущены. Вънѣшняя дисциплина, столь суровая въ Николаевскія времена, ослабѣла, и въ корпусахъ стали происходить крупныя безпорядки, о которыхъ, при моемъ поступленіи на должность воспитателя, были еще очень живыя преданія и воспоминанія. Заведеніе, въ которое я поступилъ на педагогическое поприще, пользовалось передъ реформой дурной репутаціей, и слѣды прежняго режима еще оставались. Въ старшемъ классѣ было одно отдѣленіе, великовозрастныхъ; ихъ звали „сенаторы“. Мимо ихъ класса не безопасно было проходить, и всѣ по возможности избѣгали этого, такъ какъ изъ класса могли попасть въ голову книга, губка, или палка.

Эти взрослые юноши держались особнякомъ и упорно отстаивали свои, по ихъ пониманію, права.

Раза два на прогулкѣ, мнѣ пришлось случайно говорить съ ними. Я никого изъ нихъ не зналъ по фамиліи, такъ какъ былъ воспитателемъ въ младшемъ возрастѣ. Разговоръ ихъ со мною произвелъ на меня недурное впечатлѣніе. Говорили они очень серьезно, вдумчиво и даже разумно. Главной темой разговора была дальнѣйшая ихъ дѣятельность по окончаніи курса. Они ввѣщивали прерогативы военнаго званія и сравнивали ихъ съ выгодами и значеніемъ другихъ профессій. Общественные вопросы того времени были имъ не чужды и живо интересовали ихъ. О своихъ недостаткахъ и слабостяхъ они говорили откровенно и спокойно, какъ взрослые люди. Спрашивали, что побудило меня принять такую мисерную, по ихъ понятіямъ, должность (воспитателя), какъ дежурнаго офицера въ корпусѣ. Къ совершившемуся тогда первому покушенію на жизнь Императора Александра II они отнеслись съ величайшимъ негодованіемъ.

Эти, повидимому, серьезные люди дѣлали нерѣдко серьезные глупости, такъ что всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда они покинутъ заведеніе.

Средній возрастъ былъ, однако, самый трудный. Тамъ было одно классное отдѣленіе „каторжное“. Къ нему былъ назначенъ особый чрезвычайно строгій воспитатель, съ особыми полномочіями (на слѣдующій годъ онъ оставилъ заведеніе). Почти половина этого отдѣленія ходила въ сѣрыхъ курткахъ, въ лазаретныхъ халатахъ или мундирахъ, вывернутыхъ наизнанку. Это была одна изъ мѣръ для ихъ обуздыванія. Снятіе погонь не производило на нихъ никакого впечатлѣнія, а потому ихъ, какъ недостойныхъ носить форму заведенія, одѣвали въ шутовскіе костюмы. Въ нихъ они ходили въ классы и въ столовую, но и это не помогало. Тогда заведены были смирительныя рубашки, съ длинными рукавами. Ихъ надѣвали на разбушевавшихся мальчугановъ, связывая рукава крестъ-на-крестъ, и такимъ образомъ добивались, чтобы бунтъ успокоился, послѣ чего снимали рубашку, но случалось, что тотчасъ же опять приходилось надѣвать вторично.

Никогда не забуду одного случая: на страстной недѣлѣ, когда большинство воспитанниковъ разѣхалось домой, и осталось немного, то средній и младшій возрасты соединили, вѣроятно, чтобы облегчить воспитателей въ числѣ дежурствъ. Мнѣ пришлось быть дежурнымъ въ страстную субботу. Было

сдѣлано распоряженіе, чтобы воспитанники въ шесть часовъ вечера напились чаю и, приготовивъ себѣ бѣлье и одежду къ Свѣтлой заутренѣ, ложились спать. Имѣлось въ виду, что они до заутрени выспятся и легко выстоять продолжительную церковную службу.

Приведя воспитанниковъ отъ чаю прямо въ спальню, я приказалъ имъ почиститься и ложиться спать. Младшій возрастъ, минутъ черезъ двадцать, былъ въ постелѣ, а буйны средняго возраста стали стаскивать ихъ съ постели, обливать водой, скакать по ихъ кроватямъ и топтать лежавшихъ и почти заснувшихъ дѣтей. Сначала спокойно, а потомъ и возвышеннымъ голосомъ, я останавливалъ буйновъ, приказывалъ имъ ложиться, но расходившіеся озорники не обращали ни малѣйшаго вниманія на мои убѣдительныя и грозныя слова. Тогда я подозвалъ къ себѣ наиболѣе буйнаго и дерзкаго изъ нихъ З., вышелъ съ нимъ изъ спальни въ цейхгаузъ и велѣлъ дядькамъ надѣть на него смирительную рубашку. Дядьки съ трудомъ съ нимъ справились и положили связаннаго на диванъ. Я вернулся въ спальню, гдѣ хотя и стало нѣсколько потише, но безпорядки все еще продолжались. Не успѣлъ я дойти и до половины спальни, какъ вижу—бѣжитъ ко мнѣ только-что связанный З., котораго товарищи, проскользнувъ въ цейхгаузъ, развязали и выпустили, З. бѣжалъ съ крайне возбужденнымъ лицомъ и сжатыми кулаками, за нимъ гнались двое воспитанниковъ и въ 2—3 шагахъ отъ меня схватили и поволкли въ умывальную комнату, гдѣ сунули его голову подъ кранъ и стали усиленно поливать водой. Затѣмъ отвели его въ постель и уложили. Послѣ этого все успокоилось, и водворилась тишина. Было около 10 часовъ вечера, а въ 11 часовъ назначенъ, былъ подъемъ. Я отправился къ директору доложить ему о случившемся. И. В. молча выслушалъ меня, вынулъ свою табакерку, похлопалъ по ней выразительно пальцами, раскрылъ ее, досталъ щепотку табаку, медленно потянулъ въ каждую ноздрю, отряхнулъ пальцы и выразительно кивнулъ. Этотъ приемъ былъ обычный у И. В., когда онъ былъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и принималъ въ умѣ какое-либо опредѣленное рѣшеніе. „Разберемъ на другой день праздника“, отвѣтилъ онъ мнѣ и велѣлъ идти въ возрастъ.

Въ одиннадцать часовъ ударилъ барабанъ, и воспитанники стали подыматься. Тихо и спокойно одѣвались они, переговаривались изрѣдка, шепотомъ. Предъ началомъ заутрени я построилъ ихъ, осмотрѣлъ и повелъ въ церковь. Все соверша-

лось въ полномъ порядкѣ и при необычной тишинѣ. Послѣ обѣдни воспитанники разговѣлись въ столовой и опять въ порядкѣ пришли въ спальню и стали раздѣваться. Я стоялъ у окна печальный и смущенный. Вдругъ подходитъ ко мнѣ З. и еще нѣсколько воспитанниковъ. З. говоритъ мнѣ: „простите насъ, г. поручикъ, мы такъ глупо вели себя,—Христосъ Воскресе“. Я похристосовался съ каждымъ, и всѣ мы мирно легли спать. Инцидентъ былъ исчерпанъ и разбирать на другой день праздника ничего не пришлось.

Въ младшемъ возрастѣ были воспитанники уже иной формациі, весьма изобрѣтательные на шалости, очень рѣзвые и безпокойные, но болѣе доступные воспитательскому воздѣйствію новаго направленія. Старыя традиціи время отъ времени проникали въ ихъ среду и хотя не легко, но вытѣснялись нами.

Скажу однако же, что въ старыхъ традиціяхъ не все было дурно. Духъ товарищества,—быть можетъ не всегда вѣрно понимаемый съ точки зрѣнія взрослыхъ,—былъ очень прочный и при всѣхъ неудобствахъ для начальства носилъ въ себѣ что-то рыцарское, устойчивое, хотя шелъ какъ бы въ разрѣзъ съ правдивостью и откровенностью, какихъ мы, молодые педагоги, добивались. Существовала въ традиціи нѣкоторая корпоративная честь, не позволявшая дѣлать глупости внѣ стѣнъ заведенія. Къ нѣкоторымъ поступкамъ воспитанники сами относились съ необыкновенной строгостью и житье провинившимся было тяжелое. Такъ: воровство, обманъ (кромѣ начальства), фискальство, лесть и подлизываніе къ старшимъ, трусость, жадность и другіе виды дѣйствительно несимпатичныхъ качествъ у товарищей были не терпимы. Любовь къ родинѣ и Царю, отвага, мужество, доблестное отношеніе къ опасностямъ и самоотверженность очень цѣнились и уважались среди воспитанниковъ.

Мнѣ кажется, мы, искореняя старыя кадетскія привычки, недостаточно вдумывались въ ихъ свѣтлыя стороны и черезчуръ много полагали усердія, чтобы сформировать примѣрныхъ, благонравныхъ мальчиковъ. Старыя традиціи, между тѣмъ, могли бы быть для насъ во многихъ случаяхъ хорошими союзниками.

Усердія въ насъ дѣйствительно было много: приходили на утреннія занятія къ приготовленію уроковъ, и тотчасъ начиналась та мелкая, кропотливая работа, которая не позволяла, кажется, ни одной минуты мальчику оставаться самимъ собою.

Каждая минута была распланирована и разграфлена. Мы почти не сидѣли дома, отстали отъ знакомыхъ, отъ развлеченій, не имѣли времени слѣдить за другими интересами, волновавшими тогда общество, становились односторонними и чуждыми жизненныхъ явленій въ другихъ сферахъ и не пополняли личнаго образованія. Воспитанные сами въ строгомъ Николаевскомъ режимѣ, мы, быть можетъ, придавали слишкомъ большое значеніе формальной сторонѣ и не обладали еще умѣніемъ заглядывать въ душу ввѣренныхъ намъ дѣтей—мы не имѣли живой воды.

Главное управленіе осаждало частыми циркулярами, проникавшими въ малѣйшія детали воспитательнаго дѣла. Для обсужденія этихъ циркуляровъ созывались безпрестанно комитеты. Кромѣ того, каждый воспитатель, къ концу учебнаго года, былъ обязанъ приготовить письменный отчетъ о своей дѣятельности за минувшій годъ.

Намъ розданы были программы, которой слѣдовало придерживаться при составленіи отчета и категорически отвѣчать на поставленные въ ней вопросы. Всѣхъ вопросовъ въ программѣ было 23. Привожу нѣкоторые изъ нихъ: 1) Достигъ ли воспитатель нравственнаго авторитета у воспитанниковъ, или борьба традиціонныхъ началъ въ воспитанникахъ представляетъ препятствіе къ сближенію его съ воспитанниками? 2) Противъ какихъ особенностей въ характерѣ массы воспитанниковъ воспитатель ведетъ преимущественно борьбу? 3) Продолжается ли подготовительная работа, въ чемъ она заключается, или воспитаніе пошло уже правильнымъ путемъ?... 22) Къ чему ведутъ собранія воспитателей на практикѣ и въ какой степени они направляютъ труды отдѣльныхъ дѣятелей на поприщѣ воспитательной службы?

Н. В. Гриневиць.

(Продолженіе слѣдуетъ).

